

КОНКУРСЫ ДЛЯ СТУДЕНТОВ
И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
МОСКОВСКОГО ИНСТИТУТА
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ
ПРОГРАММ

**РАБОТЫ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ
2013 ГОДА:**
ЛУЧШИЕ ЭССЕ
И ПРОЕКТЫ
ИССЛЕДОВАНИЙ

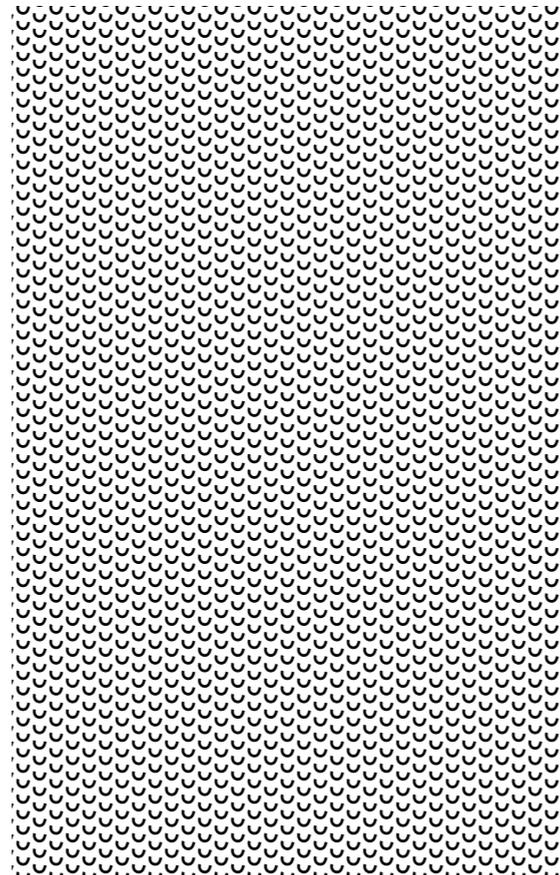
КОНКУРСЫ ДЛЯ СТУДЕНТОВ
И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
МОСКОВСКОГО ИНСТИТУТА
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ
ПРОГРАММ

**РАБОТЫ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ
2013 ГОДА:**
ЛУЧШИЕ ЭССЕ
И ПРОЕКТЫ
ИССЛЕДОВАНИЙ

МИСКП
2014

Константин Глазков, Ксения Круглова

«Пограничные» понятия: теоретические и эмпирические основания различения типов локальностей

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ БАЛАНС ОПИСАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ФЕНОМЕНОВ

В социологии сложилась давняя традиция исследования социальных феноменов, которые так или иначе носят пространственный характер. Еще в ту пору, когда социология оформлялась как самостоятельная дисциплина, исследовательский взор устремился в первую очередь на города [ВЕБЕР, 1994; ЗИММЕЛЬ, 2002]. Мало того, бытует мнение, что социология сама по себе дисциплина городская — исследующая город и феномены, которые в нем имеют место [ПАРК, 2002]. Первые полноценные попытки концептуального описания города в рамках Чикагской школы социологии нашли свое воплощение в множестве новых понятий, необходимых для рассмотрения города как многостороннего комплексного явления, природа которого размыта и находится где-то на стыке физического, психического и социального. Среди таких понятий «локальная группа / естественный ареал», «социальная дистанция / расстояние», «позиция/местоположение», «коммуникация/мобильность» (сюда же относятся технологии и транспорт) [ПАРК, 2011Б]. Логика попарного соотношения понятий имеет задачу четче обозначить необходимость сохранения концептуального баланса («социальное — физическое») при описании той констелляции свойств («морфологических аспектов общества» [ДЮРКГЕЙМ, 1995;

ПАРК, 2011Б]), игнорирование которых приведет к усеченному пониманию городского.

Позднее можно наблюдать лишь расширение понятийного ряда. Так, накопилось немало работ по изучению городской среды [ПАРК, 2011А; ДЖЕКОБС, 2011; ГЛАЗЫЧЕВ, 1984], которые дали основание для оформления, например, инвайроменталистской психологии [СОЛОВЬЕВА, 2006] в отдельную отрасль знания. Другие исследователи в большей степени сосредоточились на изучении публичных (общественных) пространств, их свойств, причин упадка или процветания и т. д. [СЕННЕТ, 2002; УИТЕ, 2001; УТЕХИН, 2012; ГРОЙС, 2012; ПАЧЕНКОВ, 2012]. Отдельный исследовательский сюжет, вокруг которого активно ведется дискуссия и по сей день, — районирование и поиск естественных группировок (социальных агрегатов) внутри города. В социологии это нашло отражение в исследованиях сообществ и ареалов обитания [УОРНЕР, 2000; ДОВБРЯКОВА, 1999], в социальной географии — вернакулярных районов [СМИРНЯГИН, 1999; ПАВЛЮК, 2006] и территориальных общностей [ТРОФИМОВ, ШАРЫГИН, ИСМАГИЛОВ, 2008]. Развитие также получил интерес к мобильности и аспектам перемещения по городу [БЕНЬЯМИН, 1997; ГИ ДЕБОР, 1958; ДЕ СЕРТО, 2008; ГАНЖА, 2012]: расширение его границ привело к формированию особой области — социологии мобильностей [URRY, 2000]. Список этот можно продолжать бесконечно; при этом необходимо отметить, что соотношение авторов с тем или иным концептом в на-

шем тексте весьма условно — на деле мы сталкиваемся с целым «клубком» взаимно увязанных понятий.

Так или иначе, сложно отрицать значимость пространственного размещения и упорядочения вышеописанных явлений. Это заставило исследователей обратиться к вопросу включения пространства как такового в социологический дискурс.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПОВОРОТ

Проблема, с которой сталкиваются исследователи в попытке признания пространственных сущностей изучаемых социальных явлений, заключается в первоначальном противопоставлении физического и психического при оформлении социологии как самостоятельной дисциплины. Дабы обрести свое место, социология предъявляет свои претензии на «мир смыслов», который принципиальным образом несводим к двум другим мирам [Вахштайн, 2005].

Дальнейшие усилия по разрешению декартова дуализма и определению положения социального в такой ситуации сводятся к редукционистским подходам, которые можно обозначить как 1) *социальный конструктивизм* (социальный детерминизм) [Сорокин, 1992; Бурдьё, 2007] и 2) *пространственный фетишизм* (географический детерминизм) [Голд, 1990; Семашко, 2001]. Оба подхода представляют собой сведение либо

физического к социальной сущности, либо социального к физической, общее объяснение устройства и организации одного через другое.

В качестве выхода из этих крайностей предлагаются снятие первичного противопоставления «субъект — объект» и переход к концептуальному рассмотрению «гибридного мира» по средствам акторно-сетевой теории [Latour, 1997; Вахштайн, 2005]. Авторский подход в данном исследовании заключается в сохранении аналитического различения физического и социального с учетом широко представленного диапазона концептов, варьирующихся между тем и другим. Пространство при этом выступает не как антагонист действия — напротив, следуя соображениям Б. Верлена, мы трактуем пространство как систему координат, оформляющую средства и возможности действия. Материальность и смыслы переплетаются друг с другом, порождая континуальные явления и способы их описания, которые противопоставляются уже сложившейся традиции принципиального разнесения социальных и физических понятий. «Материальность становится осмысленной только в ходе осуществления действия с определенными намерениями и при определенных социальных (и субъективных) обстоятельствах» [Верлен, 2001: 34].

Снятие оппозиции «субъект — объект», свойственной ранним теоретическим ресурсам, приводит к отказу от разграничения социального и физического

в используемых понятиях. Как следствие, появилось немалое число «пограничных» понятий, которые пытаются одновременно заключить в себе как социальное, так и физическое, смысловое и материальное. Среди них «место», «не-место», «пустота», «руины», «ландшафт» и др.

Сложившееся положение дел позволяет сформулировать *проблемную ситуацию* в рамках нашего исследования. В литературе по данному вопросу практически не наблюдается попыток соотнести накопившиеся концепты, вписать их в общую картину. Кроме того, не до конца ясна связь «пограничных» понятий с относительно устойчивым концептуальным языком описания, например, той же городской среды, как у Глазычева при выделении *environment* и *milieu* в качестве ее составляющих [Глазычев, 1984]. Подробнее об этом речь пойдет в следующем разделе.

ТИПЫ ЛОКАЛЬНОСТЕЙ

Для начала оговорим обобщенное понятие, которое мы будем использовать для рассмотрения многообразия «пограничных» концептов, описанных выше. В качестве такового выбрана «локальность», которая при отсутствии дополнительных коннотаций несет в себе идею неких конкретно локализованных территорий, выделенных на основании смыслового различения. Надо отметить, что локализованность, террито-

рия и смысловое различение выступают в качестве взаимосвязанных явлений. Без локализованности не приходится говорить о территории, существование границ и координат которой (не обязательно географических) позволяет выделить ее из безграничного и неделимого пространства. В свою очередь, локализация и выделение невозможны без придания смысла определенным границам и координатам, без смыслового межевания и определения содержания (смыслового комплекса) той или иной территории.

В данном разделе мы хотели бы показать, какие определения разных типов локальностей встречаются на текущий момент, какие есть нестыковки в этих понятиях, какие характеристики они подразумевают, как различать их между собой и всегда ли можно их различить. Мы также хотели бы предложить результирующую схему, которая систематизирует рассматриваемые нами типы локальностей на основе двух базовых дихотомий.

Место

Одним из базовых различий, с которого начинается вычленение «пограничных» концептов, является разделение пространства и места. Абстрактное и первоначально недифференцируемое пространство в процессе освоения размежевывается, наделяется смыслами и преобразуется в места. Суще-

ствуется ряд трактовок (как эксплицитных, так и контекстуальных) понятия «место», которые мы попытаемся здесь обозначить для прояснения термина.

Упомянутый ранее Б. Верлен писал об «осмысленной материальности» и необходимости рассмотрения пространства как места действия [Верлен, 2001]. Действование и смыслообразование как процессы при этом идут рука об руку. Похожее размышление мы встречаем у Э. Кейси: «Место представляет собой непосредственное окружение живого тела, арену для действий, одновременно физическую и историческую, социальную и культурную» [Casey, 2001; Степанцов, Безруков, 2008: 45]. При этом Кейси делает акцент на связи, возникающей между человеком и местом, которая, тем не менее, есть не только результат действия, но и механизм «взаимного конституирования человеческого Я (Self) и места» [Степанцов, Безруков, 2008: 48]. Развитие этой идеи мы находим в работе М. Оже, который пишет, что «место может быть определено отношениями, исторически и через идентификацию себя с ним» [Auge, 1995: 77]. «Места “входят” в нас в результате нашего присутствия в некотором месте и ощущения этого места. Они обладают “цепкостью” (tenacity), оставаясь внутри нас много дольше после того, как мы их покинули» [Степанцов, Безруков, 2008: 48]. Место как «арена действия» подразумевает также «включенность в место» и человеческую активность, при отсутствии

которой место переходит в разряд других смысловых локальностей (например, в руины — об этом подробнее см. раздел 3, «пустота») [Трубина, 2013]. Определение места в свою очередь дает А. Филиппов: «Место. Элементарный смысловой комплекс. Территория, воспринимаемая как неделимое единство» [Филиппов, 2008: 261].

В результате мы получаем следующие свойства мест, которые выделяют их среди других возможных локальностей:

1. Смысловая природа мест помимо их пространственной размещенности.
2. Место как арена действия, место действия.
3. Конституирующая связь между человеком и местом, подразумевающая идентификацию и историческую соотнесенность себя с местом (привязанность).
4. Смысловая элементарность и неделимость мест.

Не-место

Другим типом локальности является не-место. Своим возникновением это понятие обязано противопоставлению не-мест местам, сформулированному М. Оже. Если местам свойственно соотнесение человека с ними, то «пространство, не имеющее таких связей, есть не-место» [Auge, 1995: 77–78]. При этом нельзя отождествлять не-место с пространством, так как, несмотря ни на что,

в любом случае сохраняется минимальное смысловое содержание. Тем не менее различие мест и не-мест носит не только количественный характер (по смысловому объему, степени привязанности), но и качественный. Так, Мишель де Серто указывает на транзитную природу не-мест: «Каждый маршрут в каком-то смысле определяется (*diverted*) названиями, которые придают им заранее непредсказуемые значения (или направления). В конкретных местах эти названия образуют не-места; они превращают их в пассажи» [de Certeau, 1990 (перевод мой. — К. К.). Географ Рельф, в свою очередь, предлагает понятие «безместность» (placelessness) [Relph, 1976], которое в значительной мере совпадает с не-местами, к тому же опять отсылает к идее об утрате местом своей аутентичности и обретения зависимости от других мест (ориентированности на другие места). Результат транзитного отношения заключается в том, что опыт пребывания в не-местах сводится ко времени (units of time), затраченному на их преодоление. «Все эти действия обладают готовым социальным смыслом, который выражается в единицах потраченного на них времени» [Ганжа, 2012]. В силу транзитности наблюдается нарушение «функций собраний и коммуникации» [Паченков, 2012], причем коммуникация сводится к оформлению не-мест через слова и тексты (инструкции по использованию) [Auge, 1995].

Выделим отдельно свойства не-мест (отличающих их от мест):

1. Слабая степень привязанности человека к не-месту, выраженная в отсутствии идентификации и соотнесения себя с ним;
2. Транзитная природа не-мест;
3. Нарушение коммуникации;
4. Текстуальный способ смыслового выделения не-мест с предписанием по пользованию пространством.

Пустота

Отдельного рассмотрения требует понятие «пустота», рассматриваемое нами как один из типов локальностей. Выделение этой локальности обусловлено фокусировкой на текстуре пространства. «Текстура социального пространства образована, с одной стороны, материальными артефактами, носителями объективированного смысла, а с другой стороны — устойчивыми модусами поведения находящихся в нем людей и прочими повторяющимися конфигурациями социальных событий» [Филиппов, 2009: 17]. Пустое пространство (пустота) — «слабо текстурированное, однородное», что означает несущественную представленность физических объектов и поведенческих сюжетов. Пустота выступает потенциальнымместилищем всевозможных поведенческих актов, в отношении которых «не даются никакие смысловые ориентиры». «[...] Там, где отсутствует минимальная текстура, отсутствует и поведенческая рутина, пусто-

му соответствует ожидание радикального наполнения массой» [Филиппов, 2009: 25]. Причем, как пишет А. Филиппов, опустение связано не с процессами наполнения-освобождения, а с внятной интенцией преобразования.

Философ и теоретик искусства, Б. Гройс создание пустого связывает с использованием «нулевого дизайна». «Нулевой дизайн — это попытка искусственно создать для зрителя разрыв в плотной текстуре мира — зону прозрачности, которая позволит зрителю увидеть вещи такими, каковы они есть в действительности» [Гройс, 2012].

Несмотря на отсутствие предписаний по использованию пространства, пустота остается локальностью «с уникальной историей и особым смыслом, не похожим на смыслы других мест ни объективно, ни субъективно» [Филиппов, 2009: 29]. В частности, пустота является результатом семиотического «опространствования» истории («приемом удержания в памяти» [Ассман, 2004]) и в таком случае выступает мнемотопом. Здесь стоит упомянуть альтернативное пустоте явление по локализации исторического — руины. Е. Трубина определяет руины как «...материально воплощенное прошлое» [Трубина, 2013]. То есть применительно к руинам акцент ставится на материальное оформление локальности. Другое отличие руин от пустот заключается в том, что их (пре)образования часто носят незапланированный характер. Возникновением руины обязаны смещению центра

активности и появлению «совместных экологических продуктов человеческой и нечеловеческой деятельности» [Трубина, 2013].

Возвращаясь к пустотам, необходимо отметить, что в отличие от мест и не-мест пустоты, по типологии Лефевра, обладают «трансфункциональным» свойством. Это говорит о том, что локальность «несет определенные функции и, кроме того, имеет символический, эстетический, культурный и даже “космический” характер, несводимый к функциональности» [Ганжа, 2012: 296]. Это противопоставляется «насыщенным и уплотненным» пространствам, функция которых «заключается в том, чтобы служить времяпрепровождению и [...] заполнять этот промежуток времени непрерывно и равномерно» [Ганжа, 2012: 305].

Выделим отдельно свойства пустот:

1. Пустоты слабо текстурированы и однородны (в отличие от мест и не-мест), что приводит к отсутствию материальных смысловых ориентиров по пользованию этими пространствами (в отличие от не-мест);
2. Пустота обладает аутентичностью (в отличие от не-мест) и порой представляет собой опространственную историю, фиксация которой носит семиотический (символический), а не материальный характер (в отличие от руин);
3. Функции пустот не сводятся к действительно представленным, но обладают трансфункциональным

свойством, не конвертируемым в «единицы времени» (в отличие от не-мест).

4. Образование пустот в некоторых случаях имеет природу намеренной интенции (в отличие от руин).

РЕЗУЛЬТИРУЮЩАЯ КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СХЕМА

В результате проделанного обзора мы хотели бы представить попытку соотнесения рассмотренных локальностей друг с другом через включение их в общую схему на базе двух дихотомий (см. табл. 1).

Первая дихотомия, «смысл» («смысловая насыщенность — смысловая скудность локальности»), отсылает в большей степени к различению мест и не-мест и указывает на наличие либо отсутствие конституирующей связи между локальностью и человеком. Места, в отличие от не-мест, обладают смысловой самодостаточностью, которая является следствием нетранзитной активности, протекающей в них. Тектурные ресурсы в не-местах предзаданы и текстуально зафиксированы — используются, так сказать, по назначению, что практически исключает возможность транссмысловых отсылок, выходящих за пределы конкретной ситуации.

Вторая дихотомия, «текстура» («достаточно текстурированная — слабо текстурированная локальность»), содержит в себе

различение материально наполненных и пустых локальностей. Под наполненностью понимается наличие объектов и тел, образующих сюжетику возможных поведенческих актов. Сами объекты опосредуют действия, вовлекая людей в поток активности.

Крайним случаем отсутствия (скудности) смысловой насыщенности и текстурированности выступают локальности второго порядка, основания для выделения которых находятся за пределами описанных дихотомий. Так как степень смысловой насыщенности и текстурированности определяется непосредственно самими участниками взаимодействия, то возможные иные типы локальностей могут быть аналитически вычленены на базе критериев наблюдателя взаимодействий. На данный момент этот вопрос остается непроработанным и требует дальнейших изысканий.

Перед тем как перейти к эмпирической части работы, необходимо отметить, что схема не предлагает четкого разграничения выделенных понятий — напротив, она создает континуум, полюса которого заданы, а промежуточные градации требуют обоснования.

Таблица 1

СХЕМА РАЗЛИЧЕНИЯ ЛОКАЛЬНОСТЕЙ
НА БАЗЕ ДИХОТОМИЙ «СМЫСЛ» — «ТЕКСТУРА»

ТЕКСТУРА/ СМЫСЛ	Достаточно текстурированная локальность	Слабо текстурированная локальность
Смысловая насыщенность	Место	Пустота
Смысловая скудость	Не-место	Локальности второго порядка

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для того чтобы проиллюстрировать различие теоретически выделенных типов локальностей, было проведено эмпирическое исследование. Оно проходило в районе Китай-Город гор. Москвы весной 2013 г. Объектом изучения выступал сам район, рассматриваемый как среда обитания разных групп населения. В частности, мы

фокусировались на трех группах: 1) жителей района, 2) экскурсоводах, которые водят экскурсии по окрестностям и 3) москвичах, иногда проводящих время в этом районе. Внимание именно к этим трем группам было продиктовано стремлением продемонстрировать различные видения одного и того же района города, которое изначально бралось за основу. Это связано с интуитивным ощущением неоднородной погруженности представи-

телей этих групп в жизнь района. В одном случае она обусловлена фактом проживания, в другом — родом занятий.

Исследование проводилось группой студентов-социологов НИУ ВШЭ в два этапа. Первый этап включал в себя наблюдение за многообразием уличной активности (всего 32 часа наблюдения). Для удобства работы Китай-Город был поделен на несколько условных территориальных частей. С целью обеспечения наиболее комплексной картины происходящего мы стремились к равномерной пространственной и временной наполненности наблюдений (разное время суток и дни недели). Для фиксации уличной активности и пройденной территории использовался GPS-трекинг, который позволил провести триангуляцию увиденного и осуществить геолокационную привязку фотографий к местности. Фотосъемка осуществлялась для более точного анализа увиденного и для проверки качества выполненных наблюдений. С помощью фотосъемки фиксировались все типы активности людей на улице: отдых, прогулки, фотографирование, общение, занятия спортом и т. д. Уличная активность людей фиксировалась для того, чтобы понять, как варьируются способы использования пространства, и найти центры концентрации активности.

Второй этап заключался в проведении интервью с использованием ментального картографирования (всего 10 интервью с представителями трех интересующих групп информан-

тов). Задача данного этапа исследования сводилась к изучению представлений о районе у респондентов. В ходе интервью давалось следующее задание: «Нарисуйте, пожалуйста, карту Китай-города. При этом постарайтесь вспомнить и указать на своей карте места, с которыми Вас связывают истории, воспоминания, чувства и отношения». По мере выполнения задания исследователь уточнял у информанта, что это за места, где они расположены, в связи с чем упоминаются.

Обработка данных проводилась с помощью таблиц, сводящих информацию об уличных активностях, их классификацию и пространственную локализацию, а также места привязанности информантов. Здесь надо отметить, что метод наблюдения слабо чувствителен к выявлению смысла происходящего, в то время как в интервью информанты мало рассказывают о том, что и где они делают в районе. Отсюда вытекает важность соотнесения данных, полученных на разных этапах исследования.

В следующем разделе приведены примеры рассматриваемых выше типов локальностей, а также проиллюстрированы практические возможности предложенной в конце обзора результирующей теоретической схемы.

ЭМПИРИЧЕСКОЕ РАЗЛИЧИЕ ТИПОВ ЛОКАЛЬНОСТЕЙ

Место

После анализа интервью создается впечатление, что в данном районе у респондентов не происходит ничего. Первым делом они стараются рассказать что-то об истории района, привести различные исторические факты, далее говорят об истории своей жизни, связанной с этим районом, но почти ничего не рассказывают о себе в настоящем. Так, один из жителей Китай-города рассказал, что он изредка ходит за хлебом в булочную, с которой у него связана своя история: он участвовал в акции по ее реставрации, а в детстве его все время посылали туда за хлебом. Также он поведал, что иногда подходит к людям во дворе старше него или к ровесникам и начинает с ними разговаривать, расспрашивать в надежде, что они его узнают, вспомнят. К этому сводится все упоминание мест в его интервью.

Думается, положение дел могла бы исправить прогулка с респондентом по Китай-городу — тогда у него, возможно, всплыла бы в памяти еще какая-нибудь дополнительная информация об этом районе, какие-то факты, упоминания, которые дополнили бы картину о местах и практиках. За неимением такой возможности мы скомбинировали данные, полученные

в ходе наблюдений и интервью, с целью выявить места.

Анализ интервью позволил отчетливо выделить некоторые объекты, которые могут быть классифицированы как места. Они обязательно имеют какую-либо смысловую нагрузку и/или эмоциональное содержание. В пример можно привести такие описания мест, как «реликтовое», «замечательное», «место силы», «для меня это как сон прекрасный», «волшебное место», «прекрасное» и т. д. Это в какой-то степени раскрывает смысловую природу места.

Мы, таким образом, можем привести несколько примеров выделенных нами мест (см. рис. 1 — карту с размещением всех примеров локальностей). Одним из таковых является Морозовский сад. Данное место обладает ярко выраженной смысловой наполненностью, которая исторически связывает с ним людей. Морозовский сад расположен на пересечении Подкопаевского, Хохловского и Б. Трехсвятительского переулков и ведет свою историю с XVIII века. Сад находится при усадьбе, владельцы которой несколько раз менялись. Одними из последних владельцев была семья Морозовых; от них и пошло название сада. В данный момент сад является частной собственностью, в открытом доступе находится только нижняя его часть, однако вход туда часто перекрывается нынешними владельцами территории под предлогом ремонтных работ. До недавнего времени даже нижняя часть сада была закрыта. В связи с этим жители района

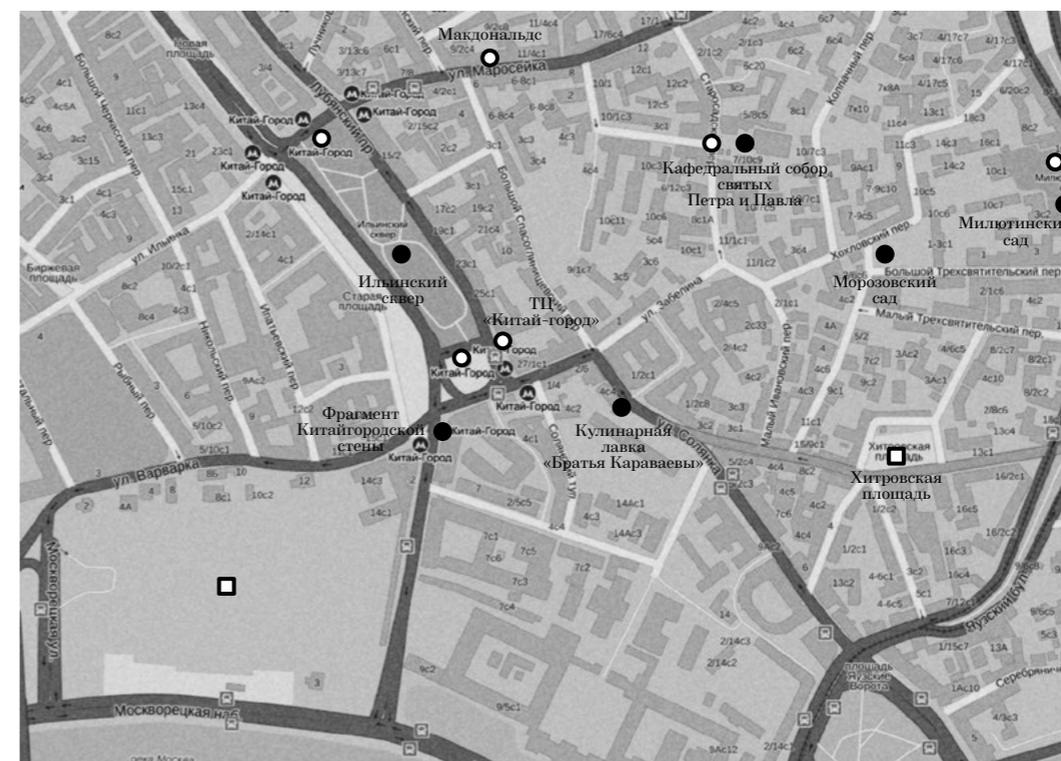
и активисты обращались к местным властям с просьбой восстановить свободный доступ к территории сада. Активная борьба

заинтересованных лиц за то, что им дорого, дает представление о том, насколько тесна связь жителей района с этим местом.

Рис. 1.

КАРТА РАЙОНА
С ОТМЕЧЕННЫМИ ПРИМЕРАМИ
ЛОКАЛЬНОСТЕЙ

● Место ○ Не-место □ Пустота

Территория Морозовского сада является местом, посетители которого вовлечены в самые разнообразные практики. Там собираются художники, люди фотографируются с причудливыми деревьями, друзья и влюбленные назначают там встречи, чтобы пообщаться. Часто люди просто приходят туда посидеть и отдохнуть, многие жители района гуляют там с детьми.

Еще один пример места — кулинарная лавка братьев Караваевых. За несколько лет она из заведения формата столовой преобразилась в уютное кафе с приятным интерьером и довольно демократичными ценами. Сотрудники кафе приветливы, еда готовится быстро. Все это очень привлекает посетителей.

Таким образом, в данном месте также наблюдается большое количество практик: многие покупают выпечку и хлеб на вынос, кормят там детей. Люди, работающие в данном районе, часто заходят в кафе на обед и даже на ужин.

Другое выделенное нами место — Ильинский сквер. Ильинский сквер был разбит в 1882 г. Через несколько лет в сквере был установлен памятник героям Плевны, а спустя столетие — памятник Кириллу и Мефодию. Некоторые информанты называли данное место площадью Ногина: такое название оно носило в советское время. Летом, когда в городе стоит жара, сквер воспринимается как оазис, так как там много высоких деревьев, которые дарят прохладу; но и в другие времена года

по нему приятно гулять и он привлекает множество людей. Они назначают здесь встречи, гуляют, проводят время с детьми. Пожилые люди (и не только) читают газеты и книги, в летний период многие устраивают в сквере пикники или просто сидят на траве. Молодежь, в свою очередь, порой устраивает в Ильинском сквере фотосессии.

Не-место

В качестве примера не-мест хотелось бы привести три типичных городских объекта: кафе быстрого питания, торговый центр и подземный переход, ведущий в метро. Для начала хотелось бы отметить, что с точки зрения людей, которые работают в этих местах или по другим причинам проводят здесь много времени, данные городские объекты могут попасть под категорию не-мест, но мы рассмотрим их, скорее, с позиции человека, использующего их разовым образом. В таком случае данные объекты обладают всеми выделенными свойствами не-мест.

Первым рассматриваемым нами не-местом является кафе быстрого питания «Макдональдс». Ни один из респондентов не акцентировал внимание на данном объекте. В кафе неуютная атмосфера, часто заняты все места и собираются большие очереди. Нельзя точно утверждать, что люди не идентифицируют себя с кафе, но исторически он не вписывается в контекст

данного района и вряд ли воспринимается москвичами как знаковое место.

Данный объект имеет ярко выраженную транзитную природу. *Во-первых*, сам тип заведения говорит о том, что люди не должны здесь задерживаться, даже наоборот — желательно, чтобы они поскорее сделали заказ, поели и ушли. *Во-вторых*, в ресторане довольно неудобная мебель, на которой нельзя просидеть относительно долго. Зачастую внутри собирается множество людей, они сидят очень близко друг к другу, что вызывает напряжение у посетителей и нарушает возможности коммуникации. Имеются также столы, похожие на барные стойки, с высокими стульями, на которые усаживаются одиночные посетители; таким образом, человек может сидеть вплотную к незнакомцам, при этом избегая чужого взгляда и уткнувшись в гаджет. *В-третьих*, в данном заведении предусмотрен только ограниченный доступ к Интернету (что является немаловажным параметром в наше время), а также установлен лимит на скачивание, что тоже не побуждает задерживаться в этом месте. Ко всему сказанному можно добавить, что ресторан быстрого питания «Макдональдс» унифункционален (по терминологии Лефевра) и не располагает к совершению каких-либо других практик, кроме предзаданных (питание, посещение уборной, доступ к Интернету).

Другим выделенным нами не-местом является торговый центр «Китай-город».

Прежде всего, нужно сказать, что этот торговый центр появился в здании по адресу Солянский проезд, 1 после его реконструкции. Согласно информации с официального сайта торгового центра, он открылся в 2008 г. Вряд ли можно предполагать, что за это время у москвичей появилась историческая привязанность к этому месту. Показательно, что по большому счету в интервью не шла речь ни о каких практиках, совершаемых в этом районе; информанты в основном рассказывали об истории мест, о своих впечатлениях и воспоминаниях. Торговый же центр упоминается жителями не в связи с какими-либо воспоминаниями или историческими фактами, а именно в связи с тем, что они совершают в нем покупки. Таким образом, подтверждается предписанное пользование пространством. В свою очередь, отсутствие лавочек и длинные коридоры указывают на транзитность локальности.

Следующим ярким примером не-места является сама станция метро «Китай-город» и относящаяся к ней инфраструктура в данном районе. Интересен тот факт, что у станции насчитывается 15 выходов; это абсолютный рекорд по данному показателю в Московском метрополитене. Многие респонденты отмечали, что им не нравится эта станция, что они не любят находиться на ней, в подземных переходах и поблизости, что чувствуют себя потерянно. Таким образом, можно утверждать, что у москвичей в целом нет привязанности к этой станции метро.

Между тем метро как городской объект за счет воссоздаваемого контекста транслирует его пользователям функцию, которую оно выполняет, что также позволяет отнести его к категории не-мест. Метро само по себе имеет транзитную природу, что лишний раз подтверждает нескончаемый поток пассажиров. Транзитность ведет к нарушению коммуникации, вызывает напряжение у людей и способствует замкнутости, что можно наблюдать в ситуациях нежелательных задержек или проволочек при попытках беспрепятственного движения (например, когда спрашивают дорогу).

Интересно, что при спуске в один из переходов метро можно заметить небольшой фрагмент Китайгородской стены, и к этому месту люди относятся уже совсем по-другому. Рассматриваемый объект привлекает и экскурсоводов, у которых по этому поводу заготовлена отдельная история, и просто прохожих, остановившихся разобрать надпись или буквально «поковыряться» в прошлом.

В связи с этим хотелось бы отметить, что далеко не всегда уместна однозначная типизация той или иной локальности. Некоторые из них затруднительно классифицировать, что позволяет аналитически описать противоречивую природу происходящего.

Одной из таких локальностей представляется кафедральный собор святых Петра и Павла. Это очень красивое место, куда люди приходят на службу, полюбо-

ваться на архитектуру собора и послушать органную музыку. Однако по прилегающей территории проходит значительный поток людей, которые сокращают путь, переходя напрямую со Старосадского переулка на Колпачный или наоборот. Рассматриваемая локальность включает в себя свойства как места, так и не-места, проведение символической и пространственной границы между которыми требует большего внимания.

Другой аналогичный пример — Милютинский сад. Здесь постоянно гуляют родители с детьми, малышня катается на самокатах, остальные приходят сюда покормить птиц, позаниматься спортом на площадке или просто отдохнуть от суеты. На территории сада располагаются учреждения детского досуга и творчества; жители близлежащих домов собираются там и играют в настольные игры. Между тем существенное количество людей сокращает путь через этот парк. Для многих «спешащих» сотрудников офисов это самый быстрый и удобный способ попасть с бульвара к переулкам, ведущим напрямик к метро. Поток прохожих пространственно оформляется прямолинейной дорожкой, расположенной между двумя сквозными выходами и задевающей остальные объекты сада по касательной.

Пустота

Пустоты, как мы уже отметили, обладают трансфункциональным свойством, в противовес материальным смысловым ориентирам, диктующим их использование. Отсутствие предписанных поведенческих сюжетов не отменяет возможности присутствия и осуществления активности людей в пустотах. Тем не менее, понимая задачу настоящего исследования — как можно четче разграничить типы локальностей, — мы сведем наши примеры пустот к территориям, пустующим как в материальном, так и поведенческом плане¹.

В качестве пустоты мы выделили так называемую Хитровскую площадь. В XIX в. после пожара 1812 г. эта площадь была обустроена и подарена городу генералом Н. З. Хитрово, в честь которого и получила свое название. На площади располагались мясные и зеленые ряды, осуществлялась торговля. Однако во второй половине XIX в. это место стало известно по располагающимся там ночлежкам, доходным домам и бирже труда. Туда стекалось огромное количество низкоквалифицированных рабочих. Об этом периоде писал В. А. Гиляровский, о чем трепетно рассказывают многие москвичи, с благодарностью отмечая, что историк помог сохранить память

о «той самой» Хитровке. Впрочем, некоторые упоминают Гиляровского с недовольством, считая, что он исказил факты. После революции обстановка в районе ухудшилась, возрос уровень преступности и было решено снести рынок, а на его месте разбить сквер.

Понятно, что здесь мы имеем дело с очень богатой и долгой историей, которая берет свое начало от древнего поселения Подкопаево. В ходе интервью выяснилось, что у москвичей наблюдается сильная привязанность к площади. В начале 2000-х гг. на месте площади хотели построить бизнес-центр; в связи с этим колледж был снесен, а территорию огородили высоким забором. Но жители района и другие москвичи были категорически против того, чтобы на данном месте возводился многоэтажный бизнес-центр. Они прислали огромное количество писем в управу района и департамент культурного наследия. В итоге активисты были услышаны, и строительство отменили. За последние несколько лет был разработан план озеленения территории и реконструкции памятника культурного наследия. Впрочем, на текущий момент этот замысел не реализован.

Подводя итоги, отметим, что Хитровская площадь обладает всеми выделенными свойствами пустот. Это пространство слабо текстурировано и в данный момент представляет собой огороженную территорию, заполненную обломками и строительным мусором. Также мы видим, что

¹ Возможно, здесь мы имеем дело с подвидами пустоты, которые можно было бы охарактеризовать как «активная» и «пассивная» пустоты.

Хитровская площадь действительно представляет собой опространственную историю и несет в себе символический смысл. Нетрудно заметить и явное отличие этого пространства от руин. На протяжении всей истории своего существования данное место перестраивалось и облагораживалось намеренно.

Следующая выделенная нами пустота — район Зарядья, более известный как территория гостиницы «Россия». В настоящее время эта территория пустует и на ней не производится практически никаких работ, что говорит об однородности и низкой текстурированности данного пространства. Если говорить об истории этого места, можно отметить, что постройки исторического района Зарядья в большинстве своем были снесены, когда закладывался фундамент восьмой сталинской высотки. От них остались только ряд построек по улице Варварка, состоящий по большому счету из церквей и палат. После смерти Сталина строительство высотки отменили и впоследствии выстроили на ее фундаменте гостиницу «Россия», в которой случился пожар, после чего здание долго не восстанавливали. Затем здание решено было разобрать, а на его месте построить бизнес-центр. Но строительство бизнес-центра отменили по той причине, что оно могло усугубить и без того тяжелую ситуацию на дорогах и спровоцировать пробки. На данный момент утверждён план по озеленению территории, однако работы еще не начались.

В связи с этим в очередной раз хотим подчеркнуть интенциональную природу всех преобразований этой локальности.

Различие места и пустоты ярко проступает в ходе сравнения Морозовского сада и Хитровской площади. Обе эти локальности обладают своей историей, которая связывает с ними москвичей. Тем не менее символическая привязанность горожан к Морозовскому саду находит свое воплощение в осуществляемых там практиках, вновь и вновь укрепляющих значимость этого места через вовлечение его материальных составляющих во взаимодействие с людьми. Между тем Хитровской площади пока что отведена участь символической пустыни, пески которой бороздят лишь проходящие мимо экскурсионные группы да случайные зеваки.

Пустоты и не-места в рамках нашей схемы выступают в качестве оппонентов с набором противоположных альтернатив по базовым дихотомиям (грубо говоря, соотношение «смысл/текстура» у пустот «+/-», а у не-мест «-/+»). В силу этого буквальное их сравнение затрудняется за отсутствием однозначного основания (как в случаях различения пустот и не-мест, с одной стороны, и мест, с другой)².

² Это лишний раз демонстрирует опорную роль места в нашей схеме. Очевидное противопоставление не-места, усиленное простым приложением отрицательной частицы, применимо и к пустотам. Пустоты — тоже не места (без дефиса) по весьма твердому основанию, заключающемуся в материальности и связанной с ней телесности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы могли убедиться, в концептуальном описании социальных явлений комплексной природы можно отметить значительную представленность «пограничных» понятий, существующих на стыке разных «миров» (физических объектов и смыслов). Тем не менее попытки выстраивания на их базе объяснительных теоретических рамок в литературе представлены слабо; еще хуже обстоит дело с взаимным соотношением выделенных концептов.

Результатом нашей работы можно считать выделение ряда свойств 1) места, 2) не-места и 3) пустоты, которые благодаря их системному рассмотрению позволили не только уточнить характеристики каждого («если пустоты обладают трансфункциональным характером, что мы можем сказать про не-места?»), но и предложить аналитическую схему по различению типов локальностей на базе двух дихотомий «смысл — «текстура».

Дальнейшее повествование связано в большей мере со стремлением к эмпирической апробации представленного различения, с описанием через собранный материал свойств каждой локальности и содержательного противопоставления ее другим типам. На этом этапе возникло, пожалуй, больше вопросов, чем ответов, что мы предлагаем обсудить ниже.

Проведенное нами исследование можно рассматривать в качестве частно-

Утверждать, что пустота вобрала в себя одни свойства мест, а не-места — другие, тоже было бы не вполне корректно. Чтобы показать их различия, предлагаем вновь обратиться к пустующей территории гостиницы «Россия» и переходу к станции метро «Китай-город». Переход служит транзитной средой для ежедневного перемещения колоссальных человеческих потоков, причем сюжеты пользования пространством вполне ограничены несколькими вариантами. Исторический слой, на уровне которого находится переход, скрыт за типичным и ничем не выделяющимся оформлением, что лишает его своей аутентичности и смысловой глубины. Что до пустыря, со всех сторон обнесенного простым забором, споры о том, что на нем построить, ведут и до сих пор, иногда прерываясь на подведение промежуточных итогов конкурсов среди архитекторов и девелоперов. Широкий простор для архитектурской и ландшафтной мысли ограничен лишь сложившимся символическим порядком, который опирается на многовековую историю, художественные и документальные фильмы (к примеру, «Важное место, или жить в центре», 2010 г., 40 мин.) и немалую заинтересованность людей, болеющих душой за этот клочок земли и следящих за его судьбой.

го случая, который необходимо логически распространить и на другие «попарно соотнесенные» понятия («локальная группа / естественный ареал», «социальная дистанция / расстояние», «позиция / местоположение», «коммуникация/мобильность»). Скрывая за собой полюса, соответствующие разным «мирам», они пребывают в динамическом соотношении друг с другом, тем самым неявно подразумевая множество градаций от социального к физическому. Нерешенным остается вопрос о взаимосвязи «пограничных» понятий со сложившимся каноном теоретического описания. Какую роль играют пустоты в современной городской среде? Что мы можем сказать о городских сообществах с позиций пространственного и смыслового соотношения мест и не-мест? Как связаны проблемы, с которыми сталкиваются общественные пространства, со сложившимися практиками перемещения по городу и транзитной природой не-мест? Проблематичная область продолжает сохранять интригу для дальнейших исследований.

ЗАТРУДНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

На начальном этапе исследования мы различали типы локальностей по наличию у них текстуры и по смыслам, придаваемым им респондентами. Была составлена таблица, где были обозначены наличие или отсутствие текстуры и смысловой нагруженности и соответствующие этим ситуациям типы локальностей. На абстрактном уровне все было достаточно ясно, однако после эмпирического исследования стали возникать некоторые трудности с типизацией локальностей. Возник вопрос: а что считать смыслом (или единицей смысла)? Воспоминания людей, их эмоции или знание истории данного места? Как определить степень важности этих категорий, чтобы найти какие-то «основные» места (Места с большой буквы, если можно так сказать)? В каком месте «больше смысла»? Допустимо ли вообще сравнение мест, которые являются уникальными сами по себе?

Сложности возникали и с трактовкой собранных материалов. Когда все данные были сведены в общую таблицу, оказалось, что в ряде мест по результатам наблюдения было зафиксировано несколько практик, и при этом разные люди вкладывали в них разный смысл. Появилось затруднение, связанное с интерпретацией этого многообразия. Непонятно, можно ли место, где зафиксировано большее количество практик (по типам стационарной активности)

по сравнению с каким-то другим, называть более текстурированным местом? В таком случае текстура представляет собой нечто накапливаемое, но так ли это на самом деле? Возможно, такое пространство следует назвать многофункциональным. Но тогда возникает вопрос о функциях этого пространства: может ли пространство выполнять функции? Ведь на деле все зависит от того, как люди обживают это пространство. Могут ли вообще такие процессы быть локализованными в материальном мире? И если да, то каким образом можно определить функции пространства, если зачастую они не транслируются напрямую?

Другая проблема возникла в связи с тем, что текстура мест плохо выявляется в ходе интервью. Нередко приходилось сталкиваться с ситуацией, когда люди не говорят о том, что они делают в городе. Можно ли спросить у них об этом напрямую, и будет ли такой вопрос корректен — неизвестно. Вряд ли респондент захочет отвечать на вопрос о том, что он делает, к примеру, в парке. Этот вопрос ему покажется как минимум глупым — ведь для него очевиден спектр тех активностей, которые допустимы в данном месте.

Кроме того, при интервьюировании выявилась следующая особенность: даже если респонденты говорят о каких-то практиках, в основном они относятся к прошлому. Таким образом, оценка смысловой насыщенности и текстуры той или иной локальности сталкивается с темпо-

ральной континуальностью взаимосвязи человека и места. Место может потерять свой прежний вид, перестать выполнять былые функции, но в сознании людей остаться тем же. Что в таком случае важнее учитывать: историю, актуальное или будущее? До конца неясно. В связи с этим, даже если информация о практиках была получена в ходе интервью, она требовала проверки и повторного осмысления.

Наблюдение, с одной стороны, очень помогает решить эту проблему. Наблюдая за локальностью в течение разных временных периодов, нескольких дней или недель подряд, можно увидеть, казалось бы, весь спектр активностей. Однако возникает проблема доступности некоторых мест, которые являются достаточно закрытыми — туда пускают только «своих», причем грань между «своим» и «чужим» порой проводится очень четко. Преодоление этой трудности в большей степени связано с погружением в контекст происходящего, с приобщением к жизни локального сообщества.

Эти и другие вопросы теоретического и методологического характера остаются пока без окончательного ответа и заслуживают последующего рассмотрения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. AUGE M. *NON-PLACES. Introduction to an anthropology of Supermodernity* / Translated by -Howe J. London — New York: Verso, 1995. P. 77-78.
2. CASEY E.S. *Between Geography and Philosophy: What Does It Mean to Be in the Place-World?* // *Annals of the Association of American Geographers*. 2001. Vol. 91. No. 4. P. 683-693.
3. DE CERTEAU M. *L'Invention du quotidien* // *Arts de faire*. 1990. Цит. по: Auge M. *Non-Places. Introduction to an anthropology of Supermodernity* / Translated by Howe J. London — New York: Verso, 1995. P. 121.
4. LATOUR B. *Trains of thought: Piaget, formalism and the fifth dimension* // *Common knowledge*. 1997. No. 6/3.
5. RELPH E. *Place and placelessness*. London: Pion, 1976.
6. URRY J. *Sociology beyond societies. Mobilities for the twenty-first century*. L. and N. Y.: Routledge, 2000.
7. WHITE W. H. *The Social Life of Small Urban Spaces* // *Project for Public Spaces Inc*, 2001. P. 125.
8. АССМАН Я. *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности* / Пер. с нем. Сокольской М. / М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
9. БЕНЬЯМИН В. *Центральный парк* / Пер. с нем. А. Ярина // *Иностранная литература*. 1997. № 12.
10. БУРДЬЕ П. *Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение* // 2007. URL: [HTTP://WWW.GUMER.INFO/BIBLIOTEK_BUKS/SOCIOLOG/BURD/01.PHP]. ПРОВЕРЕНО: 10.11.13.
11. ВАХШТАЙН В. *Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории* // *Социологическое обозрение*. 2005. Т. 4. № 1. С. 94-115.
12. ВЕБЕР М. *Город. Избранное. Образ общества* / Пер. с нем. М.: Юрист, 1994. С. 309-440.
13. ВЕРЛЕН Б. *Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география* // *Социологическое обозрение*. 2001. Т. 1. № 2. С. 29-47.

14. ГАНЖА А. *Mobilis in mobili: об особенностях формирования публичных пространств в городе Москве* // *Логос*. 2012. № 1. С. 289-310.
15. ГИ ДЕБОР Э. *Теория дрейфа* // 1958. URL: [HTTP://PSYCHOGEO.SPB.RU/PAGE_75.HTML]. ПРОВЕРЕНО 10.11.13.
16. ГЛАЗЫЧЕВ В. Л. *Социально-экологическая интерпретация городской среды*. М.: Наука, 1984. 180 с. // URL: [HTTP://WWW.GLAZYCHEV.RU/BOOKS/SOC_ECOLOG/SOC_ECOLOG_3.HTM]. ПРОВЕРЕНО 10.11.13.
17. ГОЛД Д. *Психология и география: Основы поведенческой географии*. М.: Прогресс, 1990. 304 с. URL: [HTTP://WWW.GUMER.INFO/BIBLIOTEK_BUKS/PSIHOLOG/GOLD/INDEX.PHP]. ПРОВЕРЕНО: 10.11.13.
18. ГРОЙС Б. *Публичное пространство: от пустоты к парадоксу* // *Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка»*. 2012 // URL: [HTTP://WWW.LITRES.RU/BORIS-GROYS-2/PUBLICHNOE-PROSTRANSTVO-OT-PUSTOTY-K-PARADOKSU/]. ПРОВЕРЕНО: 10.11.13.
19. ДЕ СЕРТО М. *По городу пешком* // *Социологическое обозрение*. 2008. Т. 7. № 2 // URL: [HTTP://SOCIOLOGICA.HSE.RU/DATA/2011/03/30/1211834290/7_2_2.PDF]. ПРОВЕРЕНО: 10.11.13.
20. ДЖЕКОБС Д. *Смерть и жизнь больших американских городов* / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2011. 460 с.
21. ДОБРЯКОВА М. С. *Исследования локальных сообществ в социологической традиции* // *Социологические исследования*. 1999. № 7. С. 125-133.
22. ДЮРКГЕЙМ Э. *Социология. Ее предмет, метод, предназначение* / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.
23. ЗИММЕЛЬ Г. *Большие города и духовная жизнь* // *Логос*. 2002. № 3-4 // URL: [HTTP://MAGAZINES.RUSS.RU/LOGOS/2002/3/ZIM.HTML]. ПРОВЕРЕНО: 10.11.13.
24. ЛЕФЕВР А. *Идеи для концепции нового урбанизма* // *Социологическое обозрение*. 2002. Т. 2. № 3 // URL: [HTTP://WWW.HSE.RU/DATA/2011/03/30/1211856676/2_3_3.PDF]. ПРОВЕРЕНО: 10.11.13.
25. ПАВЛЮК С. Г. *Вернакулярные районы в постиндустриальную эпоху* / С. Г. ПAVЛЮК // *Постиндустриальная трансформация социального пространства России*. Сб. докл. Шестых Сократических чтений. — М.: Эслан, 2006. С. 94-115.

26. ПАРК Р. *Город как лаборатория // Социологическое обозрение*. 2002. № 3. Т. 2. С. 3–12.
27. ПАРК Р. *Город: Предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде // ПАРК Р. Избранные очерки*. М.: ИНИОН, 2011а. С. 19–56.
28. ПАРК Р. *Городское сообщество как пространственная коммуникация и моральный порядок // ПАРК Р. Избранные очерки*. М.: ИНИОН, 2011б. С. 66–79.
29. ПАЧЕНКОВ О. *Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и «злоупотребление публичностью» // Новое литературное обозрение*. 2012. № 117 // URL: [HTTP://WWW.NLOBOOKS.RU/NODE/2638]. ПРОВЕРЕНО: 10.11.13.
30. СЕМАШКО Л. М. *Тетрасоциология — социология четырех измерений. К постановке проблемы. 2001 // URL: [HTTP://ECSOCMAN.HSE.RU/DATA/113/689/1231/005SEMASHKO.PDF]. ПРОВЕРЕНО 10.11.13.*
31. СЕННЕТ Р. *Падение публичного человека / Пер. с англ. О. Исаевой, Е. Рудницкой, Вл. Софронова, К. Чухрукидзе*. М.: Логос, 2002. 424 с.
32. СМирНЯГИН Л. В. *Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре / Л. В. Смирнягин // Региональное самосознание как фактор формирования региональной политической культуры в России*. М.: МОНФ, 1999.
33. СОЛОВЬЕВА Е. А. *Основы средовой психологии*. СПб.: СПбГАСУ, 2006. 188 с.
34. СОРОКИН П. А. *Социальное пространство, социальная дистанция, социальная позиция / П. А. Сорокин. Человек, цивилизация, общество*. Гл. Структурная социология. М.: Политиздат, 1992. С. 297–301.
35. СТЕПАНЦОВ П., БЕЗРУКОВ В. *Проблема Места и Я (Self) в социальной географии и философии // Социологическое обозрение*. 2008. Т. 7. № 3. С. 44–54.
36. ТРОФИМОВ А., ШАРЫГИН М., ИСМАГИЛОВ Н. *Территориальная идентификация в географии и вернакулярные районы // 2008*. URL: [HTTP://WWW.GEO-VESTNIK.PSU.RU/FILES/VEST/84_TERRITORIALBNAQ_IDENTIFIKACIQ_V_GEOGRAFIJ.PDF]. ПРОВЕРЕНО 10.11.13.

37. ТРУБИНА Е. *Примираясь с упадком: руины 2.0 // Неприкосновенный запас*. 2013. № 89 // URL: [HTTP://WWW.NLOBOOKS.RU/NODE/3728]. ПРОВЕРЕНО: 10.11.13.
38. УОРНЕР У. *Живые и мертвые*. М., СПб.: Университетская книга, 2000.
39. УТЕХИН И. *Место действия. Публичность и ритуал в пространстве постсоветского города // Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка»*. 2012. // URL: [HTTP://WWW.LITRES.RU/ILYA-UTEHIN/MESTO-DEYSTVIYA-PUBLICHNOST-I-RITUAL-V-PROSTRANSTVE-POSTSOVETSKOGO-GORODA/]. ПРОВЕРЕНО 10.11.13.
40. ФИЛИППОВ А. *Пустое и наполненное: трансформация публичного пространства // Социологическое обозрение*. 2009. Т. 8. № 3. С. 16–30.
41. ФИЛИППОВ А. *Социология пространства / СПб: Владимир Даль*, 2008. 285 с.